

Лісты Аляксея Карпюка // Карпюк, А. Выбраныя творы / А. Карпюк; уклад., прадм., камент. А. Фядута. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – С. 511–526.

I. ІНЕ КАРПЮК

Здравствуй, жена!

Я благополучно доставил себя в Минск, что и свидетельствую.

Не особенно приветливо меня здесь встретили. С помещением для ночлега еле устроился, счастье у меня здесь столько друзей и знакомых, что могу взять с тобой развод, прожить до очередной мировой войны, бывая только по одной ночи у каждого из них.

На курсах моих, представь себе, главными предметами преподавания — марксизм (краткий курс), психология ну и остальное более связано с работой завроно. Ты понимаешь, что в виду такого подбора уроков (часть из них я смогу смело пропускать), я не зеваю, а провожу день по своему усмотрению. Первый день навестил партизан-друзей, а вечером был на «Черевички(!)», что мне очень понравилось (за 7 рублей). Второй день был у очень интересного писателя Брыля, очень талантливого, оригинального моего земляка. У него провел ровно полсуток, можешь себе представить, насколько это было мне интересно, коли я 12 часов нашел, о чем с ним говорить. Сегодня третий день моих курсов, думаю высидеть до конца, несколько часов нам читает Саевич (занятия у нас с 3 часов до 11 часов вечера).

Как ты смотришь на это, жена? Меня здесь никто ни разу нигде и ни при каком обстоятельстве не назвал Алексей Никифорович, я затерялся в табуне минчан и все. Ведь это большое безобразие! га?

В общем, Инночка, знаешь что, я пока купаюсь в новых впечатлениях, новой обстановке, честное слово, жалею, что тебя здесь нет, здесь, где я бывал, иногда очень чертовски интересно, ну и ты еще это могла б все закусывать халвой, а так пусть тебе потекут слюнки (я было хотел за тебя покушать халвы, взял 100 г, пока я разобрал, что за вкус, она во рту растаяла и все). Эх! знаешь, как хочется тебя к себе прижать!..

Был в гостях у Валеры, он все сидит, чертит и занимается. Видел, случайно встретил Маю, не скажу, чтобы я совсем равнодушно с ней говорил. Встречаю много гродненских и все [...].

Пиши мне на г. Минск, Главпочтамт. До востребования. А пока бывай. Целую крепко, до самых костей.

Твой законный муж Алексей.

2. ЯНКУ БРЫЛЮ

2 студзеня 1957 г.

Іван Антонавіч!

Думаю, пакуль дойдзе пісьмо, ты ўжо будзеш здаровы, з чым я цябе і віншую. Буду гаварыць адразу аб справе.

Я толькі што гаварыў з Нінай па тэлефону пасля таго мне здалося, што толкам усяго не раскажаў. Паясняю ў чым справа. Наша «Гродзенская праўда» вырашыла даць матэрыял аб рэвалюцыянерах-земляках. Цыкл гэтых матэрыялаў для моладзі хочам адкрыць Жалязняковічам. На Гродзеншчыне ён-такі першы з шэрагу гэтых людзей.

Між іншым, аб ім мала хто ў нас і ведае. Хіба толькі на Навагрудчыне. Ды вось бяда: Ж. не даецца пісаць нашым работнікам. Тады я ўспомніў пра твой нарыс. Там жа можна выкраіць некалькі мясцінак на два падвалы аб яго рэвалюцыйным мінулым і для нашай газеты. Дарэчы, ты і сам з Гродзеншчыны, а ў сваёй газеце не надрукаваў ні радка. Я сказаў пра гэта свайму начальству, і яно загарэлася гэтай ідэяй. Мне даручылі табе пазваніць. Словам, вельмі цябе просім: вышлі нам такі матэрыял на бел. або рус. мовах, якая ў цябе ёсць пад рукамі. Думаю, што будзе яшчэ табе званіць нашае начальства.

Шчырае прывітанне тваёй гаспадыні Ніне!

Да пабачэння.

Аляксей.

3. МАКСІМУ ТАНКУ

9 красавіка 1958 г.

Яўген Іванавіч! Я быў у Зэльве. Справа выглядае так.

У пачатку дваццатых гадоў Іван Геніюш з Зэльвы не змог паступіць у Віленскі ўніверсітэт, бо не прынімаў удзелу ў вайне з бальшавікамі. Каб атрымаць в. асвету, паехаў у Прагу. Скончыў школу, пачаў там працаваць. Аднаго разу прыехаў на радзіму і жаніўся на Ларысе.

Ларыса Антонаўна паходзіць з Волпы. Яе бацькі мелі фальварачак. У 1928 г. скончыла Ваўкавыскую гімназію. У 1935 г. вышла замуж за Геніюша і выехала ў Чэхаславакію. Там з мужам жыла да 1948 г. За гэты час бацьку яе раскулачылі, выслалі і там ён загінуў. У 1936 г. нарадзіла сына. Калі ў 1948 г. яе арыштавалі, сына ўзяла на выхаванне сястра з Беластока, ён жыве там да сённяшняга дня і вучыцца ў Медычнай акадэміі.

Ларыса пісала і друкавалася ў Чэхаславакіі. За гэта атрымала 25 гадоў. Восенню 1956 г. яе выпусцілі і не далі ніякага заключэння. Даведкі аб рэабілітацыі не мае. Ларыса давала мне слова, што не пісала антысавецкіх вершаў, не пісала вершаў і пранямецкіх.

У Зэльве засталася палова хаты бацькі мужа Ларысы. У ёй Геніюшы і жывуць. Ён працуе ў бальніцы тэрапеўтам, яго начальства хваліць. Яна хатняя гаспадыня. Жывуць не вельмі багата, але ж адзін пакой застаўлены сцэлажамі, запоўненымі новымі кніжкамі на 5 мовах. Геніюшы атрымліваюць чэскія часопісы і газеты.

Агульнае ўражанне аб Ларысе.

Уразілі мяне некаторыя дзівацтвы. У гэты дзень, калі я быў, я заўважыў, што Ларыса... поспіць. Усё, што адбываецца за сцянамі яе дома, падыходзіць пад слова «яны»... Не аддавалі ім хату і Ларыса звярнулася з заявай да пракурора БССР. Заяву скончыла такой фразай «...Калі атрымаю кватэру, абяцаю ніколі ні аднаго радка не пісаць пра Беларусь!..» да ўсяго страшэнна запалоханая.

Але здзівіла мяне ў ёй і другое.

З першых слоў Ларысы кідаецца ў вочы вялікая начытанасць, багацтва розуму, сардэчнасць і тая культура, якую я бачыў толькі ў інтэлігентных чэхаў, калі быў разам у лагерах. Гутарыць вельмі прыгожай і багатай беларускай мовай. Скажаць, што любіць беларускую літаратуру, мала. Яна ведае яе цалкам, ёю жыве.

На вонкавы выгляд Ларыса — магутная жанчына, энергічная, гаваркая, ветлівая, гадоў на пятнаццаць маладзейшая, чым на самай справе.

Мой вывад.

Некаторыя дзівацтвы і накіп крыўды ў Ларысы нішто ў параўнанні з яе эрудыцыяй, маладосцю душы. Мне здаецца, што Вам, Яўген Іванавіч, штосьці трэба зрабіць, каб вярнуць яе ў літаратуру.

Развітваючыся, я запрапанаваў Ларысе перакласці што-небудзь з чэскага і прыслаць Вам у «Польмя». Думаю, што не пакрыўдзіцца за лішнюю маю ініцыятыву

З прывітаннем

А. Карпюк.

Яе адрас: Гродзенская вобласць, г. Зэльва, вул. Савецкая, 7, Ларыса Антонаўна Геніюш.

4. АЛЕНЕ КАРПЮК

29 верасня 1959 г.

Здравствуй, Лена!

Когда-то цари разговаривали с народом так: «Здравствуйте, ребята. Я ваш царь. Рад вас видеть. Ну, будьте здоровы!..» Так коротко писала мне и ты. Но сегодня получил письмо длиннее. Передайте с Ваней привет от меня удаву! Я горжусь, что дочь моя попала в школе в командиры. Как же тебя сейчас будут приветствовать товарищи? Небось, нос задрала уже выше, чем Танька Крицкая во время свадьбы!

Ты пишешь: «аж кажется: что б быть птицей, так бы и улетела...» Это уже по-писательску. Гляди, ты еще меня переплюнешь и станешь большим писателем... что ж, вызывай папку на соревнование, как Хрущев Америку вызвал!..

А теперь насчет Ванькиного письма. Передай маме, что она не понимает того, что там нарисовано. Понимаю только я один, потому что был на американской выставке и там такие рисунки были. Они называются абстрактные и их не каждый может понять.

А сейчас о себе. Сегодня целый день писал. Потом наклеивал на стену ваши фото. По несколько. Повезло больше всего Ваньке. Он у меня на 4 карточках, Ленка на 3, а бабушка, дедушка, дядя Валера только по разу. Один раз и мамка у меня на стене, только ты, Лена, ей не говори, а то разозлится и не станет высылать мне денег, тогда мне капут, как фрицам под Сталинградом!

А еще потом ходил лечил зуб. А потом ездил в магазин искал тебе книг, которые ты просила, не нашел, купил вам этикеток и переводных картинок. Потом по дороге купил булку хлеба. Очень интересная булка — 60 сантиметров в длину и 6 сантиметров в ширину. Попроси у Вани, то он возьмет из ящика железный метр и покажет, какая длинная булка. И еще много чего накупил, а лифт был испорчен, пришлось тащиться на 6 этаж ногами. На один этаж 20 ступенек в нашем общежитии, то сколько я сделал ступенек до 6 этажа, а?

А если тебя интересуется, зачем я так много всего купил, так я признаюсь. Завтра приезжает ко мне мой брат, а твой дядя из Челябинска. Мы будем с ним угощаться тем, что я накупил.

После всего я спать не хотел и решил съездить в город. Я каждый раз перед сном езжу. Что я там делаю? А вот что. Слажу у Кремля, похожу по Красной площади, погляжу, как у Мавзолея меняется караул, послушаю бой часов курантов, подумаю,

что я в таком месте, о котором думает весь мир, и иду назад к автобусу. Так сделал и сегодня. Приехал, а там пустота на всей площади. Только венки у Мавзолея да 2 часовых. За стеной Кремля на четвертом этаже светилося окошко. Это, видимо, Никита Сергеевич, который только что вернулся из Америки, раздавал заморские подарки своим внукам. Ну, подумал так, походил еще по тротуару, поплевал на него, поглядел, как милиционеры регулируют уличное движение. Ну и достается им, бедным! В одном месте на перекрестке стоит их сразу пять человек, машут своими дубинками да свистят свистками, прямо, не знаю как!

Вернулся домой, решил тебе ответить на письмо. Вот и пишу. Вот и написал.

Будь здорова. Целуй от меня маму, Ваню, привет Данусе передай. А я пойду ложиться. Дядя Валера завтра приезжает в 6 утра. Бессовестный, мог бы и попозже! Учи Ваню, чтобы тебя, когда вырастет, так рано не беспокоил, а приезжал в гости не раньше так часов десяти, а то будешь всю ночь дрожать, чтобы не проспать.

Целую.

Твой папка.

6. ЯНКУ БРЫЛЮ

30 верасня 1960 г.

Здравствуй, Ваня!

Сёння Гарбачоў сказаў што ты моцна хворы. Дазволь цябе па-харошаму пашкадаваць і ад шчырага сэрца пажадаць табе хутчэй стаць на ногі. Мабыць, у цябе ўсяго толькі грип? Сэрца ж ты залячыў раней?! Адным словам, выздараўлівай!

На днях прачытаў Адамовічаў раман пра партызан. Ён на мяне такое пакінуў уражанне, што адразу адхацелася пісаць сваіх партызан і я яму пазаздросціў.

Культурная, таленавітая і цікавая рэч.

Вельмі шкада, што яна адразу выйшла ў Маскве. Тут гэты раман зойме пачэснае месца сярод другіх добрых. Іх (добрых) у СССР, дзякуй, богу, шмат, таму, магчыма, могуць нейкі час Адамовічаў і не заўважыць. Але ў Беларусі гэтая рэч, калі б выйшла, прагучэла б інакш, бо гэта самы лепшы твор пра партызан (якімі ж вартымі жалю становяцца «Мінскія напрамкі» і др.), наогул раман гэты ставіць аўтара адразу побач Брыля і Шамякіна. Што за псіхалогія, навізна пункту гледжання, а дэталі! Прачытаўшы, мне вельмі захацелася напісаць Адамовічу пісьмо, але не дазволіла самалюбства: знаёмства то ў нас сапраўднага няма (хоць ты нас не адзін раз зводзіў, рэкламаваў аднаго другому, ды не аднойчы мы разам ехалі ў тваёй «Волзе». Відаць, гэтага для знаёмства мала). Між іншым, уся яго крытыка — гэта не больш і не менш, на маю думку, як сумленныя і смелыя выказванні, якія ён гаворыць услых, асабліва на фоне Баразніных і Герцовічаў, робіць яго прыкметным. На самой справе не ў гэтым сіла Адамовіча. Ён — пісьменнік і не абы які!

У гэтым годзе мне крыху весялей: Вольскі і Макаёнак тут! Дарэчы, аб іх. Гэта не проста спалучэнне дваіх чалавек адным інтарэсам — пісаннем п'есаў. У іх вельмі дзіўнае сяброўства. Нейкае нават нібы святое! Паназіраеш на іх збоку, дык залюбуешся. Зранку да ночы яны спрачаюцца, дзеляцца ўражаннямі і пры гэтым усё ідзе такім ладам, ды так прыгожа, разумна, што я задумаўся не адзін раз: чаму ў нас гэтага не заўважаюць? Гэта ж яны ўжо варты паважання толькі з-за гэтай дружбы!

Вось табе ўсе мае навіны. Выздараўлівай!

Чысла 26, відаць, буду ў Мінску, бо паеду дахаты. Прывітанне тваёй сям'і!
Будзь здароў!

7. МІХАСЮ ЗАБЭЙДУ-СУМІЦКАМУ

14 снежня. 1963 г., г. Гродна

Дарагі Міхась Іванавіч!

З вялікай прыемнасцю я атрымаў ад Вас ліст. Адказваю Вам са спазненнем, бо быў у Мінску.

У Гродне мы з Вамі бачыліся нахаду — у гасцініцы «Нёман». Вы ішлі па калідоры з Шыдлоўскім і др., а я — насустрач з пісьменнікамі з Далёкага Усходу і перадаў Вам прывітанне ад Геніюшаў.

Вельмі мне прыемна, што мая «Данута» прыпала Вам да густу. Вы просіце прыслаць яшчэ што свае. У мяне яшчэ ёсць кніжкі «Мая Гродзеншчына» і «Дзве сасны», але яны слабейшыя і сорамна іх Вам даваць. Праз пару месяцаў выйдзе з друку мая «Пушчанская адысея» асобным выданнем, вось яе я адразу Вам і вышлю.

А наогул я Вам магу з гонарам сказаць, што беларуская проза выйшла на першае месца ў СССР, хаця пра гэта пакуль што афіцыйна ніхто не гаворыць. Я Вам вельмі раю пачытаць нашых І. Мележа «Людзі на балоце», А. Адамовіча «Вайна пад крышамі» і «Сыновья уходят в бой», В. Быкава «Трэцяя ракета», Б. Сачанкі «Кароткія апавяданні», а таксама В. Адамчыка, Чыгрынава, Стральцова, В. Караткевіча, не гаворачы пра такіх буйных пісьменнікаў, як Я. Брыль. Адным словам, сэрца радуецца, гледзячы на нашых творцаў. Зрэшты, тэма гэтая не для пісьма. Я ўпэўнены, што калі-небудзь я ўсё Вам раскажу асабіста. Між іншым у Гродне нас траіх: вельмі таленавіты прэзідэнт Васіль Быкаў і таксама вельмі здольная маладая паэтэса Данута Бічэль. Усе мы Вас вельмі добра ведаем завочна, але неапівальнае ўражанне Вы на нас зрабілі сваім канцэртам. Каб мы мелі ўладу, то зрабілі б так, каб Вы не выязджалі з Радзімы, а неслі народу да сэрцаў сваю Песню.

Крыху пра сябе.

Ад вайны жыву пераважна ў Гродне. Маю сына (10 г.) і 2 дачкі (13 і 2 г.). Жонка — настаўніца (таксама была на Вашым канцэрце і не можа яго забыць). Сам я працую ў «Інтурысце».

Пісаць час маю. Вось і цяпер начаў новую рэч, што атрымаецца, — пабачым.

Калі будзеце ў Мінску, дайце знаць, я падскочу да Вас на сустрэчу.

Ад шчырага сэрца, дарагі Міхась Іванавіч, жадаю Вам многа здароўя, творчых поспехаў і яшчэ неаднаразовага прабывання на Радзіме.

Ваш А. Карпюк.

8. ВАЛЯНЦІНЕ КАРПЮК

27 лютага 1965 г.

Здравствуй, дочка!

Я сегодня получил 2 письма. Одно от тебя, за что большое спасибо. Другое — от одного литовского дяди, писателя из Вильно. Дядя писатель мне прислал свои стишки, чтобы я их перевел на белорусский язык. Ну, что в твоём письме было, ты сама знаешь. Я в магазинах видел много больших интересных картинок, но не обращал внимания. Сейчас специально схожу, погляжу и если еще только есть — обязательно куплю, пришлю.

Сегодня у нас выборы и я ходил голосовать. Потом мой директор мне сказал сходить в зоологический сад. Я туда пошел. А там здорово, интересно. Понимаешь, две медведицы Танка и Звездочка родили детей. Одна — одного ребеночка, другая — двое сразу. Детки такие маленькие, слабенькие. Ихние мамы залезли в буды, в берлоги, сидят, даже кушать не вылазят. Когда кто-то идет, они как зарычат и никого не подпускают, а только до деток что-то по-медвежьи мурлычут и их полизывают. А понимаешь, ихний папка, старый медведь Гришка, только издали на это все глядит. Его не подпускают к медвежатам, а то папы медведи кушают своих детенышей, такие они нехорошие, видишь. Поэтому директор зоопарка запер его в клетку. А когда детки подрастут, Гришку выпустит и медведи снова будут все вместе.

Потом я пошел к обезьянам. А там обезьянка Ика тоже родила сыночка. Только неживого. Одна тетенька хотела неживого сыночка забрать и схоронить в ямку на зверушечье кладбище, так Ика не отдала. Она как закричит, прижала его к груди и забралась на самый потолок клетки. И вот уже несколько дней Ика не отдает своего сыночка, а все прижимает его к себе, разговаривает с ним, целует его мертвого, ложит спать рядом с собой, дает ему кушать, смеется до него, как человек, и никак не поймет, что он помер и не живет, от беда!

А еще есть там попугай Костя. Директор зоопарка начал его гладить и я захотел погладить. А Костя меня клювом за палец — раз! — и укусил до крови, ну его! Я тогда собрался и пошел домой!

Ну, вот и все у меня новости.

Картинки, что я тебе присылаю, дай поглядеть ребятам, Ване, а тогда складывай в альбом. И письма мон тоже. Я твои складываю. Хорошо?

Ну, будь здорова.

Привет всем детям, Любви Павловне, дедушке, Ваньке, маме.

9. ПЯТРУ МАШЭРАВУ

18 студзеня 1966 г.

Первому секретарю ЦК КПБ товарищу Машерову П. М.

Дорогой Петр Миронович!

В прошлую пятницу в Гродно имело место такое событие. В областную библиотеку им. Карского зашел [...] N, срочно созвал сотрудниц и объявил:

Немедленно соберите мне компрометирующий материал на Карпяка!

Встревоженные женщины через несколько часов принесли ему все рецензии на мои произведения, все заметки из газет и журналов, где упоминалось мое имя и в недоумении заметили:

N, но тут везде его хвалят?!

Ка-ак? — очень удивился т. N. — Не может этого быть!

— А вы читали его «Дануту», «На лесных стежках»?.. Выяснилось, что т. N ни одного моего произведения не читал.

Тогда раздраженно он им заявил опять:

Вы обязательно должны на него что-то мне дать! Нашему Мицкевичу поручено на съезде КПБ выступить по вопросам искусства, я ему готовлю доклад!

Город наш относительно небольшой, тихий. В Гродно писателей несколько и все они на виду. Событие в библиотеке стало немедленно сенсацией определенных кругов

города. Назавтра десятки людей начали мне звонить по телефону, искать со мной встречи, сочувствовать, спрашивать, что случилось.

Я в недоумении, что, казалось бы, опытный партийный работник т. Мицкевич В. Ф. доверил такой важный вопрос людям, превратившим это в очередную кампанию. И, честно говоря, роль какого-то великомученика мне не по душе.

В последнее время на совещаниях и собраниях слишком часто склоняется мое имя. Мне думается, что некоторые товарищи используют для этого неправильно истолкованные мои фразы или оговорки.

На последнем пленуме Союза писателей БССР я допустил несколько ляпсусов. Например, собирался поругать т. Пашкевича как редактора, хотел напомнить ему о ленинском руководстве, а сказал, что якобы у нас не чувствуется ленинского руководства литературой вообще. Сам не понимаю, как я сделал нетактичный выпад против присутствующей на пленуме русской писательницы т. Воронковой и пр.

Дело в том, что я могу выступать только по готовому тексту. В данном случае этим я пренебрег, отсюда и мои ошибки. Я очень переживаю за них, и стараюсь на ошибках учиться.

Я не хочу уйти от ответственности за неправильные слова, заслуженно принимаю наказания. Но, ей богу, наказаний этих замного.

Год тому назад в «Маладосці» была напечатана моя автобиография. Ее вряд ли можно назвать законченным литературным произведением. Это пока фрагменты. Над вещью этой я работаю и думаю, со временем получится из нее неплохая книга. Но мне кажется, что вокруг этих фрагментов слишком много создали шума. Вместо того, чтобы автору указать на недостатки в них, началась расправа.

Вскоре после напечатания моей биографии были наказаны тт. Панченко и Асипенко (я перед ними очень виноват). Затем меня из-за этого произведения уволили из «Интуриста» (некоторые товарищи для этого подделали так, будто я дал... американцу документ!). Вычеркивают все время мои книги из списков издательств (днями т. Коновалов опять вычеркнул меня из очередного списка). Страдают из-за меня даже родные и посторонние люди. Недавно кандидат филологических наук т. Козлов принес в «Гродненскую правду» рецензию на мою книгу, ему ее вернули заявив:

— Карпюк в опале, разве вы не знаете?!

Директор 12 СШ, где работает моя жена учительницей, завел в горкоме партии разговор о поощрении педагога И. Карпюк, но получил за это взбучку...

И т. д. И т. п. Всей этой ерунды не хочется описывать.

Если меня выгонять с работы, не печатать тех книг, которые уже приняты читателем, преследовать даже членов семьи и посторонних лиц, так это уже будет называться не работа с автором, сделавшим промахи в произведении, а — мстью. Я понимаю, что все это как-то получается само собой, ведь никто не заинтересован мне мстить, поэтому стараюсь разъяснить положение дел.

Создалась какая-то нездоровая атмосфера вокруг моего имени. По значению моих произведений, по способностям, я не стою того, что бы обо мне было столько разговоров. Наша белорусская проза в последнее время заметно шагнула вперед и, мне кажется, надо больше говорить о ее достижениях, а не сосредотачивать внимание на отдельных недостатках и невольных промахах ее литераторов.

Попутно хочу заявить еще об одном.

Со стороны некоторых местных товарищей наблюдается неправильное отношение и ко второму гродненскому прозаику — Василию Быкову. Не знаю такого областного или городского совещания или пленума, где бы не говорилось о крупных идейных промахах прозаика Быкова.

Быков тоже может что-то сказать опрометчиво, но разве можно вокруг этого поднимать такую шумиху? Не лучше было бы кому-то его вызвать, да лично высказать претензии к нему? Василий Быков беспартийный, все разговоры потом до него доходят в разных интерпретациях, он человек издерганный жизнью и израненный на фронтах, очень болезненно их воспринимает. Я знаю случай, когда у него из-за этого был сердечный припадок.

Василий Быков гордость всей белорусской литературы. Его первая книга вышла совсем недавно, но в настоящее время тираж его произведений (советских и иностранных) дошел уже до 6 миллионов экземпляров! Нельзя так относиться к народному самородку.

На бумаге всего не опишешь. Я прошу Вас принять меня — я бы рассказал подробнее. С уважением

А. Карпюк,

член КПСС с 1947 г., секретарь Гродненского областного отделения Союза писателей БССР г. Гродно, ул. Ожешко, 49, кв. 46. Карпюк Алексей Никифорович

Резалюцыя: т. Пилотовичу С. Прошу принять его и информировать о результатах беседы в ближайшие дни. П. Машеров. 21.2.1966 г.

Паліета: Беседа состоялась 11 марта. Пилотович.

10. МІХАСЮ ЗАБЭЙДУ-СУМІЦКАМУ

9 жніўня 1967 г. Дарагі і паважаны Міхась Іванавіч!

Чамусьці толькі ўчора прышла Ваша адкрытка, хоць яе Вы выслалі два тыдні таму назад.

З 25.V па 6.UШ я быў на Поўначы (у Петразаводску), Вашу цудоўную пласцінку атрымалі мае хатнія. Вялікае Вам дзякуй. Дай Вам бог яшчэ многа іх выпусціць. Ведаю, М. Танк і іншыя стараліся арганізаваць закуп Вашых пласцінак, як справа заавансавана — не чуў.

У нас шмат чаго цікавага, многа ёсць пра што Вам расказаць, на жаль, у пісьме гэтага не ахопіш.

Васіль Быкаў пасылае Вам шчырае прывітанне і пажаданне здароўя і поспехаў у нясенні нацыянальнай песні.

Ларыса Геніюш выдае зборнік. Ён вось-вось выйдзе з друку. Апошнія часы ад яе так і чуеш вельмі добрую мелодыю і, думаю, мы адкрылі яшчэ аднаго выдатнага паэта, такога ж як Танк. Чыталі яе падборку ў другім нумары «Польмя» за гэты год? Пачытайце, калі ласка, гэта была ў нас сенсацыя.

У Гродне маем дзве добрыя паэтэсы Данута Бічэль-Загнетава выдае зараз пятую кніжку (хаця ёй толькі 29 гадоў), калі выйдзе, пастараюся выслаць. Дарэчы, у Дануты вершы ёсць такія, што просяцца па музыку.. З'явілася яшчэ маладая зусім (Оля Іпатава), таксама вельмі таленавітая.

Адным словам, на Гродзеншчыне ёсць літаратура і вельмі мне прыемна ад сведамасці такой. Горш іншае.

Дзе Вы праводзілі лета? Як ваша здароўе?

З прывітаннем ад мяне і ўсёй маёй сямейкі.

Ваш А. Карпюк.

11. ВАСІЛЮ БЫКАВУ

17 чэрвеня 1974 г., г. Гродна

Дарагі Васіль!!! Вялікая моц таіцца ў раствору, які сцыментаваў цагліны гэтага будынка. Але ж якімі, скажы, якімі маштабамі змерыць тую магутную сілу Тваіх твораў, што паланілі мільёны душ рознага ўзросту і нацыянальнасцей, прымушаюць біцца ў рытме Твайго шчодрага сэрца, лунаць сярод Тваіх вобразаў ды жыць сярод Тваіх герояў? Вось чаму мы Цябе любім, шануем, паважаем і Табою ганарымся!

Ты — яркая ўспышка на шляху развіцця нашай нацыянальнай культуры і Табе, упартаму Зубру Гродзеншчыны, які піша так шчыра, хвалююча, аголенымі жыламі, — усенародная чэсць і пашана!

У дзень Твайго паўвяковага Юбілею мы ўсе, тут сабраныя, перадаем вялікае дзякуй тым настаўнікам, што Цябе калісьці вучылі!

Нізкі паклон Тваім бацькам — цётцы Ганне і дзядзьку Уладзіміру з далёкай вёскі Бычкі з-пад Ушачы, якія цябе нам далі такога!

Удзячнасць і прызнанне перадаем Твайму вернаму другу — жонцы, харошай і добрай Надзі, якая чвэрць стагоддзя дзеліць Твае радасці і нягоды, бо так ужо вядзецца, што дарога сапраўднага талента ўсыпана не аднымі ружамі ды пракладзена не толькі сярод фанфар і юбілеяў!

Сынам Тваім жадаем быць вартымі свайго Бацькі!

А Табе, Васіль, жадаем захаваць сілы, бадзёрасць і на бліжэйшага паўвека ды ўвесь час даваць нам прыемнасць ганарыцца Табою — так жа сей каштоўныя зёрны ды збірай буйныя плёны на ніве дасканалення душы савецкага чалавека, прынось славу нашаму гораду,

Прынёманшчыне! Краіне!

Карпюк і Твае сябры.

12. МІХАІЛУ СЯРГЕЕВІЧУ ГАРБАЧОВУ

29 красавіка 1987 г., г. Гродно,

Генеральнаму секретарю ЦК КПСС тов. М. С. Горбачеву! Прошло уже столько дней с тех пор, как Гродно с официальным визитом посетил посол ПНР В. Наторф, консул в Минске М. Обединский, как в Кремле побывал В. Ярузельский, а мне все не дает покоя неприятная мысль. Терпеть больше не могу, беспокойством спешу поделиться с Вами.

То, что до 1939 г. я жил в буржуазной Польше (на тер. бывшей Западной Белоруссии), учился там в школах, приобщался к польской культуре и истории, то, что потом в концлагере Штутгоф с поляками терпел иго фашизма, затем вместе сражался против немцев (за организацию партиз. отряда на территории ПНР получил от Завадского высшую награду — золотой крест ордена «Virtuti military»), бесследно не прошло. Так меня жизнь сформировала, что поляки не имеют от меня тайн и часто сердца наши бьются в одном ритме. Если приезжаю в ПНР, окунаюсь в круг

искренних друзей, которые в настоящее время на разных общественных уровнях — от милиционера до министра и работника ЦК ПОРП. С одними когда-то пас коров, ходил в школу и на вечеринки, с другими в подпольном комсомоле давал клятву «как Ленин, не пить и не курить», с третьими сражались вместе против немцев и банд. Обо всем этом заявляю не для бахвальства, а чтобы подчеркнуть, что при такой ситуации, когда мы встречаемся, светских разговоров, конечно же, не ведем. Тогда у нас, как подобает между проверенными жизненными невзгодами друзьями, разговор идет на волнующую тему и без тайн. Говорим один одному все, что лежит на душе.

Так вот, об этой болячке поляков, устранение которой для нас имеет государственное значение, я слышал столько, что как коммунист, терпеть дальше не имею права. Берусь изложить ее для принятия мер.

На территории Гродненской области по официальной статистике проживает 26,7% поляков (на 1,1 млн. населения), а во всей Белоруссии — больше 400 000 человек. Если в восточных воеводствах ПНР в данный момент на 180 000 белорусов имеются национальные школы, лицеи, в Варшавском университете существует белорусская кафедра, в Ольштыне — издательство, в Белостоке на белорусском языке издается еженедельник «Ніва», существуют белорусские ансамбли и белорусские фольклорные группы, то наши поляки (в Белоруссии) ничего этого не имеют. После войны в Гродненской области существовали польские школы, но теперь даже надписи под экспонатами писательницы Элизы Ожешко (домик ее с маленькой экспозицией украшает центр Гродно) звучат только на русском и белорусском языках, а сделать их еще и на польском нам не разрешили.

И вообще, эта тема в Белоруссии до сих пор считается «табу». В то же время рядом — в Литовской ССР, где поляков проживает куда меньше, польские школы существуют, имеются там соответствующие кафедры, на подмостках звучат польский хор и танцевальные коллективы. Конечно, литовскому советско-партийному активу при такой ситуации приходится «крутиться» куда больше, но советская власть от этого не страдает ничуть, ибо по Ленину, интернациональность не означает безнациональность.

До войны в нашем Минске имелись не только польские учебные заведения, библиотеки, но и польский театр. В связи с этим вспоминается неприятный факт. За десять последних лет в Минске генеральные консулы сменились уже четвертый раз, но как и первый Древняк, второй — Розняк, так и третий — Рачковский безуспешно пытались через Министерство культуры БССР организовать выступление в Минске польской оперы «Галька» (автор Манюшко, который родом из-под Минска и свое выдающееся произведение написал по мотивам фольклора белорусов).

Невнимание наших властей к значительному количеству поляков в БССР, упорное неучитывание их национальных интересов в наш коммуникабельный век непростительно. Это является жаркой темой споров при каждой нашей частной встрече с представителями ПНР — писателями, учеными и партийными работниками, но аргументов для оправданий мы имеем все меньше (не будешь же вечно ссылаться на послевоенные трудности!). Если при встречах с Вами Войцех Ярузельский об этом молчит, то делает это лишь из такта, а в душе, как и недавно побывавшие в Гродно посол и консул ПНР, об этом, конечно же, подумал.

Так зачем эти недомолвки между друзьями?

Что стоит нашей могучей державе в центрах проживания поляков в Белоруссии по образу национальных школ для белорусов в ПНР открыть с десяток школ польских, в Гродненском университете организовать соответствующую кафедру, а при одном из Дворцов культуры создать польский ансамбль? Это сразу удалило бы еще одно ненужное нам нравственное напряжение в важном регионе. Да и Ярузельскому было бы легче отбиваться от нападков оппозиции, которая хитро и коварно использует наши просчеты.

С таким посланием не обращаюсь к нашим руководителям лишь потому, что мы все-таки провинция, а симптомы той Грандиозной Перестройки, которая разворачивается в стране, чувствуются здесь еще слабо. По крайней мере, в области духовной. Такое впечатление, что у наших отдельных, но влиятельных руководителей преобладает все тот же принцип — держать, не пускать, не разрешать. Подозревать и ничего не менять. Наглядным примером служит письмо ведущих писателей и деятелей культуры БССР, посланное Вам в конце прошлого года, в котором характеризовалось состояние белорусского языка в республике. Наболевший вопрос наше начальство, ничего по существу не меняя, постаралось спустить на тормозах. Но белорусы — народ упрямый, да и существуют какие-то высшие законы, управляющие людьми, из которых следует, что такого под сукно не запрячешь. Рано или поздно, а проблема вылезет наверх опять, и придется все-таки ее решать. Но там речь шла о делах как бы внутрисемейных, сугубо наших. Польский же вопрос, мне кажется, выходит за рамки государственных границ и его надо решать немедленно.

Коммунист с 1947 г., засл. работник культуры БССР, лауреат литературной премии имени Ивана Мележа — А. Карпюк

Карпюк Алексей Никифорович, 230029, БССР, Гродно, ул. Калиновского, 3 «а», кв. 2, тел. квартирный 4-08-52, служ. 4-83-75.

13. АЛЯКСАНДРУ АМІЛЬЯНОВІЧУ

18 чэрвеня 1991 г., г. Гродно

Олек, честь!

Вчера прочел Твою повесть. Проглотил ее на одном дыхании. Она содержит очень много фактического материала, написана мастерски. Я пророчу Тебе успех. Дай Тебе Боже, дорогой Друг!

Между прочим, повесть наводит на мысль, что все это интересует только наше поколение. Молодым все это — до лампочки, вот трагедия! Между прочим, я тоже из такого рода литераторов, и я пишу то, что молодым чуждо.

Привет пани Мире

Твой А. Карпюк.